

УДК 327

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: НАЧАЛО ТРУДНОГО ПУТИ

© 2023 г. **НОСОВ Михаил Григорьевич***

Член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

***E-mail:** mikhailnosov@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2023

После доработки 25.06.2023

Принята к публикации 04.07.2023

Аннотация. В середине XVIII в. Россия начала проявлять интерес к Японии. Присоединение территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока сделало страны соседями. В 1648 г. на берегу Охотского моря появилось первое русское поселение Косой Острожок, что положило начало освоению новых земель каза-чьиими отрядами. Первые знания о Японии в России получали из европейских книг, в которых описывались путешествия, и немногочисленных записок побы-вавших в Китае русских. До «открытия» страны в 1853 г. Япония допускала на свою территорию только голландцев и китайцев. Самоизоляция была частично связана с попытками португальцев обратить японцев в католическую веру, но главным образом со стремлением защитить страну от угрозы европейского коло-ниализма. Русские пытались установить связи с Японией, не имея религиозных и захватнических планов. Однако Пётр I и последующие правители не смогли убе-дить в этом японцев. Русские попадали в Японию в качестве пленников, а япон-цы оказывались в России из-за кораблекрушений или навигационных ошибок. Чем больше в России узнавали о Японии, тем сильнее было стремление устано-вить отношения. С начала XVIII в. Россия посылала морские экспедиции для об-следования Курильских островов и Сахалина. Японцы предпринимали аналогич-ные усилия. Эти территории, включая Хоккайдо, были заселены айну и нивхами. Русские и японцы время от времени появлялись на островах, но попытка опреде-лить их государственную принадлежность была предпринята только в 1855 г. До этого все попытки России установить дипломатические и торговые отношения с Японией не имели успеха. В то же время результатами этих усилий стали накоп-ление знаний друг о друге и взаимный интерес. Внимание Петра I к Японии было обусловлено прежде всего тем, что выход России к Тихому океану требовал освоения новых земель, а торговые связи могли стать важным элементом их эконо-мического развития.

Ключевые слова: Россия, Япония, экспедиции, страноведение, изучение языка

DOI: 10.31857/S0201708323050145

EDN: yannyn

Господство европейских государств над территориями остального мира, начавшееся в XVI в., называлось колониализмом, а освоение Сибири и Дальнего Востока в XVII в. Россией – продвижением русских землепроходцев на восток. Однако по своей сути различия состояли в том, что европейцы шли морем, а русские только однажды попытались освоить заморскую Аляску, но спустя некоторое время отказались от освоения заморских территорий в пользу сухопутной экспансии. В августе 1639 г. казаки во главе с Иваном Москвитиным спустились по течению реки Ульи и достигли берега Охотского моря. Впереди было море, а за ним почти неизвестные Япония, Курильские острова и Сахалин.

Освоение Сибири и Дальнего Востока, как любая война за ресурсы и территории, шло при ожесточенном сопротивлении коренных жителей. Советские историки писали, что на Дальнем Востоке «стихийная колонизация носила преимущественно мирный характер» [Нарочницкий и др., 1973: 14], однако, по словам историка С.М. Соловьёва (1820–1879), «не должно думать, чтоб в описываемое время на всем протяжении Сибири все спокойно подчинялось русскому правительству, его распоряжениям, церковным и гражданским» [Соловьев, 1993: 44]. Инструментом укрепления позиций в регионе стали морские экспедиции, одной из целей которых было установление экономических и дипломатических связей с Японией.

В поисках Японии

«Прорубив окно в Европу», Пётр I (1672–1725) внимательно следил за развитием отношений России с Азией и активно пытался расширить исследования Тихоокеанских стран. Он отчетливо понимал, что могущественное государство не может существовать и развиваться без свободного выхода к берегам Мирового океана, и эта задача может быть осуществлена только при наличии флота. В 1720 г. Пётр I писал: «Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет» [Веселаго, 1875: 352].

С начала XVIII в. Россия посылала морские экспедиции для исследования Курильских островов и Сахалина. Эти территории, а также Хоккайдо были заселены айну и нивхами. Русские и японцы время от времени появлялись на этих островах, но попытка определить их государственную принадлежность была предпринята только в 1855 г. До этого все усилия России установить дипломатические и торговые отношения с Японией не имели успеха. В то же время результатом этих усилий стало накопление знаний друг о друге и растущий взаимный интерес. Внимание Петра I к Японии определялось прежде всего тем, что выход к Тихому океану требовал освоения новых земель, а торговые связи могли стать важным элементом их экономического развития.

Начав торговать с Китаем в XVIII в., русские купцы старались установить такие же выгодные связи с Японией. В 1710 г., посылая на Камчатку якутского казачьего десятника Василия Севастьянова, власти Сибири «в соответствии с указом царя Петра Алексеевича» наказывали ему «учинить с Японским государством меж русскими людьми торги не малые ...чтоб в тех новоприискных торгах великого государя казне учинить многую прибыль. И проводывать ему, какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаются, также и русские товары в том государстве, какие надобны, и на которые походу болши бывают, и станут ли они с русскими людьми торги иметь; и воинские японские люди какое у себя имеют оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны, и какими пути проезд к ним бывает, о том выше писанном о всем осведомитца подлинно и писать в скорости к великому государю к Москве в Сибирский приказ»¹.

Первая российская экспедиция на Курилы осуществлена Иваном Козыревским (1680–1734) в августе 1711 г. Этим он решил смягчить вину за участие в убийстве Владимира Атласова (1664–1711). Высадившись на Парамушире, И. Козыревский сделал «ласковое мирное предложение его жителям – дать ясак, но получили отказ» [Полонский 1871: 21]. Из-за сопротивления местного населения казаки были вынуждены вернуться на Камчатку.

Вторая экспедиция, в составе которой было 55 казаков и 11 камчадалов, началась в 1713 г., однако ей также не удалось продвинуться дальше Парамушира. После ожесточенного боя отряд вернулся на Камчатку. В отчете И. Козыревский со слов местных жителей описал 15 островов от Шумшу до Хоккайдо. Из похода он привез японские сабли, 3 монеты золота и «дальнего курильца», приплывшего с острова Итуруп для торговли японскими вещами. Позже И. Козыревский переехал в Москву, стал монахом, но был арестован по делу об убийстве В. Атласова и умер в тюрьме.

В январе 1725 г. Пётр I отправил Витуса Беринга (1681–1741) выяснять, «сошлась ли Америка с Азией»². Однако Первая Камчатская экспедиция не смогла ответить на вопрос царя. Корабль В. Беринга дважды проходил через пролив, отделяющий Азию от Америки и позже названный в честь мореплавателя. Результатами экспедиции стало описание западного побережья Берингова моря и составление подробной карты побережья.

В 1731 г. Сенат дал распоряжение не вести враждебных действий против японцев и возвращать обратно потерпевших кораблекрушение, оказав им необходимую помощь, что рассматривалось как кратчайший путь к установлению контактов. Однако отношения складывались не лучшим образом. Россия настаивала на открытии торговли, а японцы, в соответствии с распоряжениями сёгуната, отвергали возмож-

¹ Наказ якутскому казачьему десятнику Василию Савастьянову, посланному на службу в Камчатку. 09.09.1710. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. Санкт-Петербург Типография МВД. 1882. С. 418.

² В 1538 г. Герард Меркатор (1512–1594) поместил пролив между Азией и Америкой на своей карте мира. Первым из европейцев прошел через этот пролив в 1648 г. Семён Дежнев (1605–1673), оставивший об этом донесение в Якутской воеводской канцелярии. Документ в 1736 г. в архиве канцелярии обнаружил участник Второй Камчатской экспедиции, русский академик Герхард Миллер (1705–1783).

ность каких-либо связей. В указаниях Анны Иоанновны В. Берингу в 1732 г. речь шла «о проведовании новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткой, также островов, идущих от Камчатского носа к Японии, для установления торгов и налога ясака на народы, никому не подвластные». Однако в документе чувствовалась враждебная настороженность к необщительным соседям: «В ту бытность, при самых берегах Японских или их владательства, при островах отнюдь много не мешкать, и никакому обнадеживанию не верить, дабы не могли, удержав обманом, собрать своих судов и атаковать... У них обыкновенно, чего силой не смогут, то лестью и обнадеживанием подойдя, в свои руки берут, и за мудрость обман ставят»¹.

Вторая экспедиция В. Беринга началась в 1740 г. и вышла в сторону западного побережья Америки. На обратном пути в ноябре 1741 г. корабль выбросило штормом на побережье одного из Командорских островов, получившего имя Беринга. Из 75 членов экипажа во время зимовки умерло 29 человек, включая мореплавателя. Выжившие моряки построили новый корабль из обломков старого и смогли вернуться в Авачинскую губу на Камчатке.

Между экспедициями В. Беринга состоялся поход Мартына Шпанберга (1696–1761). Он стал первым россиянином, вступившим на землю Японии. В мае 1739 г. М. Шпанберг, пройдя вдоль Курильских островов, остановился у деревни Исомура в бухте Тасирохама (нынешняя префектура Мияги). Капитан другого корабля в отряде Вильям Вальтон (г. рождения неизвестен – 1743) высадился 19 июня 1739 г. значительно южнее, в бухте Амацумура (нынешняя префектура Тиба) к востоку от Токио. В обоих случаях японцы встретили моряков с любопытством и дружелюбием. Русские пополнили запас пресной воды и обменялись подарками.

В 1792 г. Адам Лаксман (1766–1806) совершил визит в Японию, результаты которого могли изменить отношения между странами. История экспедиции началась 15 января 1783 г., когда корабль «Камиясу-мару» с капитаном Дайкоку Кодая (1751–1828) вышел из Исэ в Эдо с грузом риса, хлопка и других товаров. Из-за шторма корабль семь месяцев дрейфовал в море, пока не был выброшен без руля и мачты на остров Амчитка Алеутского архипелага. Экипаж прожил на острове четыре года вместе с алеутами и коряками. Из 17 японцев выжили 6 человек, включая капитана. Русские охотники вывезли моряков в Охотск, затем через Якутск в Иркутск. Там Д. Кодая познакомился с русским ученым, финном по национальности Кириллом (Эриком) Лаксманом (1737–1796). Японцы неоднократно обращались к властям с просьбой о возвращении домой, но получали отказ.

26 февраля 1791 г. К. Лаксман обратился к сенатору графу Александру Воронцову (1741–1805) с предложением организовать экспедицию для «доставки Японцев в их отечество на нашем транспортном или купеческом судне в Матсмай (Саппоро), где их земляки для местного торгового беспрепятственно находятся»². Письмо сопро-

¹ Высочайше утвержденные правила, данные капитану-командору В. Берингу относительно его плавания в Восточном океане. 28.12.1732 г. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 8: 1728 – 1732. Санкт-Петербург. В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 1008.

² Письмо Кирилы Лаксмана к графу А.Р. Воронцову. 26.02.1791 г. Архив Князя Воронцова. Кн. 24. Москва. Университетская типография. 1880. С. 190.

вождалось «Объяснением учиненного г-м профессором Лаксманом, касательно поданного пред тем от него предоставления о заведении с Япониею торго». К. Лаксман подробно описал продаваемые и покупаемые Японией товары и отметил, что «к знакомству и купечеству с Японией никто столько не имеет удобностей как Российские купцы, на Тихом Море торгующие»¹. А. Воронцов переслал бумагу с финансовым и техническим обоснованием экспедиции канцлеру и одному из членов коллегии иностранных дел Александру Безбородко (1747–1799).

К. Лаксману и спасшимся японцам приказали приехать в Санкт-Петербург, где Екатерина II в июне 1791 г. дала аудиенцию К. Лаксману и Д. Кодая, а в сентябре был издан Рескрипт Иркутскому и Колыванскому губернатору Ивану Пилю (1730–1801) «Об установлении торговых отношений с Японией» с подробным описанием условий будущей экспедиции, руководителем которой был назначен сын Кирилла Лаксмана Адам. Императрица пожаловала Д. Кодая «150 червонных и золотую медаль и сверх того золотые часы», его японским спутникам по 50 червонных и серебряной медали, а остающимся в России «двум японцам², принявшим веру Православную, каждому по 200 рублей»³.

В сентябре 1792 г. российское посольство под руководством А. Лаксмана направилось на корабле «Святая Екатерина» под командованием Василия Ловцова в сторону Японии. В октябре судно бросило якорь у берегов Хоккайдо в заливе Немуро. А. Лаксман через местных чиновников отправил письмо И. Пиля губернатору Мацумаэ о цели визита. В середине декабря на стоянку корабля прибыли два чиновника. Они сообщили, что губернатор Мацумаэ обратился с письмом к сёгуну за дальнейшими инструкциями. Ответ пришел в конце апреля следующего года. По донесению иркутского генерал-губернатора И. Пиля об итогах экспедиции «Хотя посланный мною к Японскому правительству лист якобы за незнанием ими перевода не разсматриван и с тем возвращен обратно при письме к Лаксману; но поелику последний Японского двора лист, врученный тому же Лаксману 23-го числа июля, дозволяется уже безвозбранно Российским для торговли приходить в одну токмо Нангасакскую гавань и подает по обласканиям и уважениям, оказанным Японцами нашим мореходам, несомненную надежду определять, что Японский двор никогда уже не переменит своих о сем мыслей»⁴.

Экспедиция закончилась частичным успехом. А. Лаксман получил разрешение «великорусского государства одному судну иметь вход в гавань Нангасакскую», рас-

¹ Выписка из объяснения учиненного г-м профессором Лаксманом, касательно поданного пред тем от него предоставления о заведении с Япониею торго. Архив Князя Воронцова. С. 192.

² В России остались Сёдзо, ставший Федором Ситниковым, и Синдзо, получивший имя Николай Колотыгин.

³ Указ Екатерины II генерал-поручику Пилю об установлении торговых отношений с Японией. 13.09.1791. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 23: 1789 - 6 ноября 1796. Санкт-Петербург. В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 249–255.

⁴ Всеподданнейше донесение иркутского генерал-губернатора Пиля о последствиях совершенной поручиком Лаксманом экспедиции в Японию (28 февраля 1794). Архив Князя Воронцова. С. 392.

писку о приеме японских подданных Кодаю и Исокичи, а от японского правительства «три сабли и сто кулей пшены сорочинской». Однако воспользоваться успехом посольства Екатерина II или не смогла, или не захотела. Теоретически единственным положительным результатом экспедиции было то, что 11 лет спустя в октябре 1804 г. прибытие в Японию русского посла Николая Резанова (1764–1807) имело юридическое обоснование в виде ссылки на приглашение русского корабля в Нагасаки, однако на практике это обстоятельство не сыграло роли.

Прибыв в октябре 1804 г. в Нагасаки вместе с кругосветной экспедицией Ивана Крузенштерна (1770–1846), камергер Н. Резанов по прямому указанию Александра I (1777–1825) обратился к японцам с просьбой открыть один из северных портов для торговли с Россией. Попытки японцев заставить русских приветствовать высокопоставленных чиновников на манер голландцев – согнуться почти под прямым углом, вытянуть руки по швам и оставаться в такой позе, пока чиновник не позволит разогнуться, – вызвали возмущение И. Крузенштерна. «Как прискормно, что просвещенная европейская нация ... унижает свое достоинство ради стремления к прибыли», – писал мореплаватель. Русские ожидали ответа полгода, но ответ сёгуната был отрицательный. «Вручены посланнику бумаги содержащие: запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию. Сверх того, не только подарков, но и писания Российского Государя не приняли. Сообщения с Голландским фактором равномерно запретили» [Крузенштерн, 1809: 265]. Японцы не смогли заставить гостей вести себя на манер голландцев, но, по словам американского исследователя Японии Дональда Кина (1922–2019), «голландцы могли справедливо возразить, что русские и уехали с пустыми руками» [Keen, 1969: 5].

Японцы не приняли подарки, а Н. Резанов, не понимая, что они поступают так в силу запрета сёгуната, не взял подарки японцев, после чего ему было предписано покинуть страну. Интерес дипломата к Японии сменился обидой. Он убедил двух офицеров Русско-Американской компании Николая Хвостова и Гавриила Давыдова отомстить японцам. В 1806 и 1807 гг. русские корабли совершили пиратские набеги на японские поселения на Сахалине и Хоккайдо. При этом японцам дали понять, что русские вернутся и потребуют открыть Японию для российских кораблей. После возвращения в Охотск офицеров арестовали за несанкционированные действия, однако вскоре выпустили на свободу. Набег насторожил сёгунат в Эдо, принявший ряд мер по укреплению обороны северной части страны от «красных варваров». Так японцы окрестили беспокойных соседей за красный цвет кафтанов.

В июле 1811 г. на Кунашир зашел шлюп «Диана». Капитана Василия Головнина (1776–1831), не имевшего враждебных намерений в отношении японцев, на берегу захватили в плен и отправили в Хакодате на Хоккайдо. Его и шестерых членов экипажа держали в тюрьме до 1813 г. Лишь после того как вернувшийся на Хоккайдо на шлюпе «Диана» капитан Пётр Рикорд (1776–1855) привез заверения русских официальных лиц в том, что набег на японские фактории совершен против воли правительства, пленники были отпущены.

Необходимо отметить, что японцы относились к В. Головнину вполне корректно, а церемония освобождения из плена вылилась в своеобразную демонстрацию взаимных дружеских чувств. В дневнике П. Рикорда говорится, что «Две великих

Империи, не имевшие доселе никакого между собою сношения, сделали через сие великий к тому шаг; ибо можно теперь льститься приятнейшей надеждой, что оныя, познав себя в истинном виде с разъяснением закоренелых со стороны Японского Государства предубеждений, начнут время от времени более сближаться и достигнув наконец той важной цели, к которой рука Божия направляет человеческий род – к дружественным связям, на взаимных пользах и выгодах утверждающимся» [Рикорд, 1816: 133].

Однако это предвидение сбылось только через 40 лет, когда 21 августа 1853 г. в бухте Нагасаки появился фрегат «Паллада». За полтора месяца до него, 8 июля, в бухте Эдо появились американские корабли под командованием commodора Мэтью Перри (1794–1858), заставившие японцев под угрозой применения силы открыть страну для иностранцев и заключить с Америкой и Европой торговые договоры.

Изучение японского языка в России

Царь Пётр I заложил основы изучения восточных языков в России. Он продвигал идею освоения не только японского языка, но и китайского и монгольского, считая, что знание восточных языков может способствовать не только развитию торговли, но и укреплению христианства в Азии¹. При участии царя сделана попытка создать школу японского языка в Москве, однако его изучение в XVIII в. в России было не слишком успешным. Япония оставалась закрытой для европейцев страной за исключением голландцев. Моряки и рыбаки, попавшие в Россию в результате кораблекрушений², преподавали японский язык, не зная ни грамматики, ни основ преподавания. Тем не менее в тех немногочисленных случаях, когда русские встречались с японцами, учившие японский язык могли оказать посильную помощь в общении.

Последним и незаконченным трудом А.С. Пушкина (1799–1837) были «Заметки при чтении “Описания земли Камчатки” С.П. Крашенинникова», озаглавленные «Камчатские дела (от 1694 до 1740 г.)». Рукопись, впервые изданная в 1755 г. в двух томах, находилась в домашней библиотеке поэта. Вероятно, эти заметки были материалом для книги о событиях на Дальнем Востоке, изобиловавшей драматическими коллизиями. В заметках часто упоминаются В. Атласов (1664–1711), названный поэтом «Камчатским Ермаком», и «обретатель Камчатки» Степан Крашенинников (1711–1755). Жизнь казака В. Атласова, открывшего для России Камчатку,

¹ В указе от 18 мая 1700 г. говорилось о необходимости послать в Китай «иноков двух или трех человек, которые бы могли Китайскому и Мунгольскому языку и грамоте научиться, и их суеверия познав, могли твердыми святого Евангелия доводами многия души темныя сатанинския привести во свет познания Христа Бога нашего». Первый из восточных языков, привлёкших внимание Петра I, был китайский (указ от 18 июня 1700 г.). По его приказу 7 студентов и причетников отправили в Китай для обучения китайскому языку. В 1725 г. в иркутском Вознесенском монастыре была открыта русско-монгольская школа.

² Согласно исследованию профессора Хиракавы Араты, с 1600 г. до 1870 г. на Дальнем Востоке и в Китае было 500 случаев, когда судно теряло курс и начинало дрейфовать по воле волн и ветра [Hirakawa, 2003: 54].

полна приключений – от героического похода на Дальний Восток до тюрьмы за ограбление купца, и могла заинтересовать А.С. Пушкина. В заметках упомянуто, что В. Атласов «отправился в Москву с японским пленником и с ясачной казной [Пушкин, 1951: 482].

Этим пленником был японец Татекава Денбей¹ (1670–1714), приказчик торгового дома из Осаки. Он первый рассказал россиянам о своей стране. Корабль, на котором Дэнбей плыл, в 1695 г. попал в шторм и после долгих скитаний был выброшен на берег одного из Алеутских островов. Японец попал в плен к ительменам, а затем был отбит у них В. Атласовым, принявшим его за индейца. По словам казака, записанным в Сибирском приказе в июне 1700 г., «а полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит, того не ведаю. А подобием как бы гречанин – сухощав, ус не велик, волосом черн. А сказывался индейцем. А золота родится много у них и серебра. Он из Удзакинского² царства. Шли они на 12 бусах³, и носило их штормом шесть месяцев и прибило 12 человек, но померли. Нашли их камчадалы, курильского народа мужики» [Оглоблин, 1891: 13]. Т. Денбей несколько лет прожил с камчадалами, поэтому мог с трудом изъясняться по-русски.

В конце декабря 1701 г. японца по приказу Петра I привезли в Москву. В январе следующего года в селе Преображенском царь встретился с Т. Денбеем. Первое, о чем позаботился Пётр I, была подготовка переводчиков, владевших японским языком. «Великий государь указал ево, Денбея, на Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему дать в научение из русских робят человека три или четыре – учить их японскому языку и грамоте. А о крещении в православную христианскую веру дать ему, иноземцу, на волю, и его, иноземца утешать и говорить ему: как он русскому языку и грамоте навькнет и русских робят своему языку и грамоте научит – и ево отпустят в Японскую землю. 20-го генваря приказ решил давать Денбею поденного корму по 5 копеек в день и те деньги давать ему помесечно с сего числа» [Оглоблин, 1891: 15].

Школа изучения японского языка открылась в 1705 г. в Москве под надзором Сената. Немного известно о том, насколько успешной была карьера Т. Денбея в качестве преподавателя японского языка. Его приписали к приказу артиллерии «для учения русского языка и грамоты». В 1705 г. Пётр I запросил приказ «отписать японского государства Денбей русскому языку и грамоте выучился ль и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил ли и ныне учит ли?». Ответ не сохранился, но известно, что в Москве в 1706 г. учреждена школа японского языка. Вполне возможно, Т. Денбей вместе с несколькими японцами, привезенными с Камчатки, преподавал в школе. Учениками были солдатские дети Пётр Шенаныкин и Андрей Фенев. Обещания «отпустить Денбея в Японскую землю» Пётр I не сдержал, приказав князю Матвею Петровичу Гагарину его окрестить: «ныне его окрестили и зовут его Гавриилом, а жалованье ему дается из Сибирского приказа» [Струков, 1891: 23]. Последние сведения о Т. Денбее датированы 1714 г.

¹ Татекава Денбей в России известен исключительно под своим именем.

² Удзака – искаженное от «Осака».

³ Гребная плоскодонная лодка со съёмной мачтой.

По свидетельству шотландца Джона Белла (1691–1780), путешествовавшего по России в начале XVIII в., в 1720 г. он встретил в Санкт-Петербурге молодого японца, говорившего и писавшего на русском и японском языках. Со слов японца, он вместе с отцом плыл из Нагасаки домой на северный берег Японии, но они попали в шторм и оказались сначала на Камчатке. Затем русский офицер отвез его в столицу, где он служит в Академии наук [Bell, 1763: 243]. Кто был этот человек неизвестно. Скорее всего, речь шла о японце Санима, попавшем на Камчатку в 1710 г. в результате кораблекрушения. В 1714 г. его привезли сначала в Иркутск, а потом в Санкт-Петербург. Санима преподавал японский язык сначала в Москве, а потом в Санкт-Петербурге и возможно сотрудничал с Академией наук. Считается, что он умер в 1734 г., после чего школа в столице закрылась [Накамура, 1983: 39].

Позже в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге действительно работал японец. Скорее всего, это был Годза (Демьян Поморцев), попавший в Россию в 1729 г. в возрасте 11 лет. В указе Императрицы Анны Иоанновны от 10 мая 1736 г. говорилось, что «прежде бывшим Японцам Козьме Шульцу и Демьяну Поморцову, которые восприняли веру Греческого исповедания, быть при Академии Наук обоим вместе, чтоб они природного своего языка позабыть не могли и поручить их в особое смотрение из Российских людей человеку искусному, кому та Академия заблагорассудит, дабы они завсегда были в добром смотрении и порядке и для обучения того Японского языка определить к ним С. Петербургской гарнизонной школы из солдатских детей двух человек, грамоте умеющих, кои поострее; а чтоб они прилежнее их тому языку обучали, прибавить им Шульцу и Поморцову жалованья к прежней даче еще по 5 копеек, а с прежним по 15 копеек на день человеку и давать из Штатс-Канторы... Также по объявлению выше писанного Поморцева, в Иркутск послать указ, велеть немедленно сыскать Японское судно, на котором они были и при том и книги на их языке кто из Российских людей взяли, и те книги у кого ныне обретаются оные прислать в Сенат немедленно»¹.

В 1736 г. при Академии открылась школа японского языка, где оба японца преподавали язык солдатским детям. Вскоре К. Шульц скончался, и 18-летний Годза взял обязанности учителя на себя. В библиотеке он познакомился с русским библиографом и писателем Андреем Ивановичем Богдановым (1692–1766). В 1719 г. указом Петра I последний определен на службу в петербургскую типографию, с 1730 г. работал в библиотеке Академии наук. А.И. Богданов был автором множества книг и работ по русской словесности, включая «Описания Санкт Петербурга, от начала заведения его с 1703 по 1751 год», «Реестр российских слов» и «Собрание пословиц и присловиц российских». Никакого отношения к Андрею Богданову, автору учебников японского языка и словарей, родившемуся от японца и русской, он не имел, т. к. такого человека просто не существовало.

¹ Сенатский указ № 6956 «Об определении Японцов Шульца и Поморцова, принявших веру Греческого исповедания, в Академию Наук, для обучения Японскому языку». 10 мая 1736 г. Полное собрание законов Российской империи, с 1649. Т. 9: 1733–1736. Санкт-Петербург. Типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. С. 812.

Практически все от Николая Новикова (1744–1818), автора «Опыта исторического словаря о российских писателях» (1772), до выдающегося русского востоковеда Николая Веселовского (1848–1918) в его книге «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879) считали японца Андрея Богданова реальным человеком. На самом деле автором словаря и разговорника японского языка был Годза, составлявший эти книги с помощью своего соавтора опытного библиографа и знатока русского языка А.И. Богданова. При этом это он делал без знания иероглифики, поскольку попал в Россию в 11-летнем возрасте. Все японские слова были записаны азбукой «хирагана». Петербургский историк К.Б. Васильев, детально проанализировав историю появления рукописей японских разговорников и словарей, сравнил почерк А.И. Богданова на разного рода библиотечных документах и на рукописи русско-японского словаря и убедился в их идентичности [Васильев, 2015: 23].

В 1753 г. школа в составе трех новых учителей японцев и двух учеников переведена в Иркутск. В 1760 г. она состояла из 7 преподавателей-японцев и 15 учеников. Учителя пополнялись за счет терпевших кораблекрушения у берегов Камчатки. В декабре 1782 г. японское судно унесло ветром в открытое море и в августе следующего года прибило к берегу Амчитки. Выживших привезли на Камчатку, а затем шестерых из них – в Иркутск, где японцы провели три года. Сёдзу и Синдзо решили остаться в России и начали преподавать японский язык в иркутской школе. Однако, как писал губернатору Николаю Трескину (1763–1842) директор школы Словцов, «Киселёв и его предшественник Колотыгин происходят из простого народа и грамматику своего языка не знают, а потому для Школы бесполезны». В качестве примера он привел двух учеников «Миронова и Кокулина, обучавшихся в школе 19 лет». Они состарились, не выучив японский язык. В 1805 г. генерал-губернатор Тобольской и Иркутской губернии Иван Селифонтов (1743–1822) лично ознакомился с положением школы и доложил министру коммерции о ее плачевном состоянии. Однако генерал-губернатор Сибири Иван Пестель (1765–1843) ответил, что «при известных видах нашего правительства, относительно связей с Японией, гораздо лучше иметь людей с посредственными знаниями японского языка, нежели не иметь их вовсе» [Веселовский, 1879: 70].

Сохранить школу не удалось. Ученики состарились, обзавелись семьями и отказывались учить язык. Тем не менее школа просуществовала 109 лет до июня 1816 г., когда комитет министров ее упразднил, а единственному ученику Миронову, безуспешно обучавшемуся там уже 19 лет, «дозволил избрать другой род жизни». Преподавание японского языка в России возродилось лишь более чем через пятьдесят лет в Петербургском университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев К.Б. (2015) Первое описание Санкт-Петербурга и первый японец в России. *История Петербурга*. № 1 (71). С. 17–25.

Веселаго Ф.Ф. (1875) *Очерк русской морской истории*. Ч. 1. Типография Демакова, Санкт-Петербург. 701 с.

- Веселовский Н. (1879) *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*. Типография бр. Пантелеевых, Санкт-Петербург. 161 с.
- Крузенштерн И.Ф. (1809) *Путешествие Вокруг Света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. Часть 1*. Морская типография, Санкт-Петербург. 379 с.
- Накамура С. (1983) *Японцы и русские. Из истории контактов*. Прогресс, Москва. 306 с.
- Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. (1973) *Международные отношения на Дальнем Востоке*. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. Издательство «Мысль», Москва. 324 с.
- Оглоблин Н.Н. (1891) Первый японец в России 1701–1705 гг. *Русская старина*. Книга 10. Т. 72. С. 11–24.
- Полонский А. (1871) *Курилы*. Типография Майкова, Санкт-Петербург. 208 с.
- Пушкин А.С. (1951) *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Том 9. История Петра. Записки о Камчатке. Издательство Академии Наук СССР, Москва; Ленинград. 604 с.
- Рикорд Н. (1816) *Записки флота капитана Рикорда о плавании его к берегам Японии в 1812 и 1813 годах*. Морская типография, Санкт-Петербург. 140 с.
- Соловьев С.М. (1993) *История России с древнейших времен*. Т. 23–24. Мысль, Москва. 688 с.
- Струков Д.П. (1891) Денбей, первый японец в России., в 1701 — 1710 гг. *Города и остроги земли сибирской*. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/s/strukov_d_p/denbej_pervyj_japonec_v_rossii/45-1-0-81 (дата обращения: 09.04.2023)
- Bell J. (1763) *Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia*. R. and A. Foulis, Glasgow, UK. 357 p.
- Hirakawa A. (2003) *Dzenkinkei ni okeru nichirokankei renku* (Исследования по материалам японо-русских связей в премодерный период). Tohoku Daiaku Azia kenku senta (Центр изучения по Восточно-северной Азии при университете Тохоку). Miyagi (Мияги), Japan.
- Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press, Stanford, USA. 272 p.

Russia and Japan: Start of the Hard Journey

M.G. Nosov*

Corresponding Member Russian Academy of Sciences
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

*E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Abstract. In the middle of the 18th century, neighboring Russia began to show interest in Japan. Russia acquired vast territories of Eastern Siberia and Far East which made the countries the closest neighbors. In 1648 on the shore of the Sea of Okhotsk the first Russian settlement Kosoy Ostrozhok appeared, which marked the beginning of the development of the new lands of the Far East by Cossack detachments. Russians first learned about Japan from European books describing travels to that country and from the few notes of those Russians who had been to China and got acquainted with Japanese culture there. Before its "opening" in 1853, Japan allowed only the Dutch and Chinese into the country. The closure was partly due to attempts by the Portuguese to convert the Japanese to the Catholic faith, but mainly to protect the country from the threat of European colonialism. Having become Japan's neighbor, the Russians tried to establish ties with Japan with neither religious nor invasive plans. However, despite repeated attempts by Peter the Great and his successors to convince the Japanese, they failed to do so. Russians got there very rarely and only as prisoners, and the Japanese

happened to be in Russia after shipwrecks or navigational errors. The more Russia learned about Japan, the stronger was the desire to establish relations with it. Since the beginning of the 18th century Russia repeatedly sent maritime expeditions to explore the Kurils and Sakhalin. Similar efforts were made by the Japanese. These territories, including Hokkaido, were inhabited mainly by the Ainu and Nivkhi, and Russians and Japanese appeared from time to time on these islands, but the attempt to determine their state affiliation was made only in 1855. Until that time all Russian attempts to establish diplomatic and trade relations with Japan had failed. At the same time the result of these efforts was an accumulation of knowledge about each other and a growing mutual interest. Peter's interest in Japan was determined primarily by the fact that Russia's access to the Pacific Ocean required the development of new lands, and trade relations with Japan could be an important element in their economic development.

Key words: Russia, Japan, expedition, regional studies, language studies

DOI: 10.31857/S0201708323050145

EDN: yannyn

REFERENCES

- Vasil'ev K.B. (2015) *Pervoe opisanie Sankt-Peterburga i pervyj yaponec v Rossii* [The first description of St. Petersburg and the first Japanese in Russia]. *Istoriya Peterburga*, 1 (71). (In Russian).
- Veselago F.F. (1875) *Ocherk russkoj morskoy istorii. Ch. 1* [An essay on Russian maritime history. Part 1]. Tipografiya Demakova, Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Veselovskij N. (1879) *Svedeniya ob oficial'nom prepodavanii vostochnyh yazykov v Rossii* [Information about the official teaching of Oriental languages in Russia]. Tipografiya br. Pantel'evykh. Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Kruzenshtern I.F. (1809) *Puteshestvie Vokrug Sveta v 1803, 4, 5 i 1806 godah. Chast' 1* [A Journey Around the World in 1803, 4, 5 and 1806. Part 1]. Morskaya tipografiya. Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Nakamura S. (1983) *Yaponcy i russkie. Iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians. From the history of contacts]. Per. s yap. s sokr.; Ob. red. B.G. Sapozhnikova. Progress. Moscow. (In Russian).
- Ogloblin N.N. (1891) *Russkaya starina* [Russian Antiquity], Kniga 10, Tom 72. Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Polonskij A. (1871) *Kurily* [Kuriles]. Tipografiya Majkova. Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Pushkin A.S. (1949) *Polnoe Sobranie Sochinenij* [Complete Works], Tom 9. (In Russian).
- Rikord N. (1816) *Zapiski flota kapitana Rikorda o plavanii ego k beregam Yaponii v 1812 i 1813 godah* [Notes of the fleet of Captain Ricord about his voyage to the shores of Japan in 1812 and 1813]. Morskaya tipografiya. Sankt-Petersburg. (In Russian).
- Solov'ev S.M. (1993) *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since ancient times], 23–24, Mysl', Moscow, Russia. 688 p.
- Strukov D.P. (1891) *Goroda i ostrogi zemli sibirskoj. Denbej, pervyj yaponec v Rossii*. [Cities and prisons of the Siberian land. Denbei, the first Japanese in Russia]. "Russkaya starina". (In Russian).
- Bell J. (1763) *Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia*, Glasgow.
- Hirakawa A. (2003) *Dzenkinkei ni okeru nichirokankei renku* [Research based on materials of Japanese-Russian relations in the pre-modern period]. Tohoku Daiaku Azia kenku centa, Miyagi, Japan. (In Japan).
- Keene D. (1969) *The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830*. Stanford University Press. Stanford.